

Александр ОВЧАРЕНКО

В ЗАБОТАХ ДНЯ — ПРОБЛЕМЫ ВЕКА

Новый роман Георгия Маркова

ЗНАМЯ

Георгий Марков. «Грядущему веку». Роман. Книга первая. № 3, 1981; № 12, 1982.

В новом романе Георгия Маркова «Грядущему веку» (опубликована только первая книга) прямо или художественно опосредствованно сгущены темы, проблемы нашего века, волнующие писателя на протяжении десятилетий.

События происходят в наши дни. Место действия — Сибирь, вся наша страна, Европа, мир. Главный герой — первый секретарь Синегородского обкома партии Антон Васильевич Соболев — перед тем, как занять этот пост, учился в Москве, был на дипломатической работе, покатался по свету, встречался с людьми самых разных классов, сословий, положений, включая сверхмиллионеров. Но душой всегда оставался в своем родном сибирском Ромашкине. Он влюблен в него, в Москву раз и на всю жизнь, как на всю жизнь влюблен в Елену Николаевну Назарову (работающую агрономом в Ромашкине), в конце концов становящуюся его женой.

Не скрывая несовершенных сторон нашего общества, отрицательных фигур, все еще нередких в жизни (включая анонимщиков, подхалимов, ловкачей, бюрократов с партийными билетами и просто-напросто хамов наподобие Изидора Изидоровича), писатель сознательно, убежденно выдвигает на первый план людей положительных, страстно заинтересованных в том, чтобы дела в нашей стране шли хорошо. В результате рядом с образами Антона Васильевича Соболева и его жены Лены встают колоритные фигуры председателя ромашкинского колхоза Спиридона Федотовича Сорокина; почти семидесятилетнего рыцаря земли и солнца Софронникова, в свое время по поведению солнца и... муравьев предсказавшего приближение стихийных бедствий (цунами); писателя Демьяна Ермолаича Угрюмова-Вьюжного; ответственных работников Госплана — Рудольфа Владимировича, Власа Платоновича.

Ни один из этих героев не лишен тех или иных недостатков, у каждого своя собственная манера поведения, обращения с родными, знакомыми. Но все они — люди крепкие, сильные, энергичные, обремененные повседневными заботами о нашем общем деле.

«Вот каких людей в руководстве колхозов и совхозов держать надо...» — думает о Сорокине Лена. — На сто шагов вперед смотрит, все учитывает, ни одну возможность ради дела не пропускает. Это тебе не Сапелкин — директор заварянского совхоза. Ты ему вопрос о деле, о существе, а он орет на весь дом: «Кан другие — не знаю! А для нас установили района и области — закон! У нас бугор, а у них вышина, им виднее!»

Ознакомившись с планом предстоящей мелиорации области, Сорокин начал поход против его опасных несовершенств. Неторопливо, но неотступно он взвешивает на весах собственного опыта и опыта своих предков все «за» и «против» предложенного плана осушения и выравнивания притупленной долины. Он приходит к заключению: дело начинают «не с того конца», в результате чего «как бы не ударила такая мелиора-

ция поперек хребта». Придя же к такому заключению, он начинает действовать, добиваясь пересмотра присланного из Москвы плана.

Внешне на Сорокина совершенно не похож геолог Софронников. Внутренне же он родственен ему и неукротимостью духа, и заботливым отношением к земле, на которой живет, и уверенностью, что все на ней надо делать не абы как, а с умом и вниманием, ибо все в природе, в мире, во Вселенной взаимосвязано. Почти неудачник в личной жизни, он, по-настоящему образованный человек, на мир смотрит широко открытыми глазами и вместе с тем очень пристально. Солнце и Земля во всем их объеме и всей конкретности — вот масштаб его мышления.

«Два объекта интересуют меня всю жизнь, товарищ начальник... — говорит он Канатчикову. — Один из них — солнце, второй — земля. То, что земля зависит от солнца, известно даже школьнику. День и ночь, лето и зима тишина и ветер — все связано с солнцем. Однако знаний о зависимости земли от солнца у человека недостаточно. Многие изучают науку: происхождение Вселенной, ее строение, эволюцию мироздания. Я занимаюсь более конкретной областью: влиянием солнца на жизнь земли. На небо смотрю, а слушаю землю, думаю о людях».

Хорош, незабываемо хорош Софронников в разговоре с Канатчиковым.

Столь же ощутимы образы Лены, ее мамы, сестры, отца, многих других героев. И, как всегда у Георгия Маркова, рельефны картины сибирских просторов, рек, тайги. Вот герои вместе с итальянкой Элеонорой совершают прогулку на катере по Тулуну:

«Правый берег был распахнут до самого горизонта. Залитые розово-золотистым предвечерним светом солнца бескрайние луга, изредка поросшие мохнатыми ивами, очаровывали своим спокойствием и простотой... А левый берег на этом плесе не меньше, а может быть, и больше манил и завораживал своей загадочностью и полной противоположностью берегу правому. Тремя мощными террасами, заросшими темными хвойными лесами, он поднимался в небо, наспугиваясь, величаво молчал, отгораживая даже солнечные лучи, которые разливались по речной глади, превращая ее в золотую дорожку между берегами».

В последние 30 лет многие писатели брались за изображение крупных руководящих деятелей. Чаще всего воссоздавались фигуры изживающих себя руководителей в их конфликтах с людьми, идущими им на смену. И как-то так получалось, что и у В. Овечкина, и у Ф. Панферова, и у В. Кочетова, и у Ф. Абрамова, и у Н. Шундики, и у многих других образы первых оказывались намного ярче образов вторых. Георгию Маркову и тему эту, и связанные с нею конфликты и обра-

зы удалось повернуть к читателю их сугубо позитивной стороной.

Роман «Грядущему веку» возводится на фундаменте предшествующего творчества писателя, с постоянной оглядкой на лучшие достижения литературы прошлого (в романе неспроста с восхищением говорится о «Воине и мире», «Анне Карениной» Льва Толстого, «Тихом Доне» Михаила Шолохова), а жизнь наша рассматривается с самых различных точек зрения, показывается через восприятие людей разных положений (от рядового колхозника до ответственных работников Госплана, вице-президента Академии наук СССР, министров). Благодаря удачно выделенной биографической вехе у главного героя и так естественно введенным в роман итальянскому миллиардеру и его дочери наша жизнь соизмеряется в ее главных параметрах и с противостоящим ей миром. Совершающей по советской земле путешествие Элеоноре не однажды покажется, что русские явно недооценивают свое прошлое, относятся к нему небрежно, что им часто недостает предприимчивости. Она попробует объяснить себе это в одном случае тем, что «коченые богатые эти русские, всего у них много, и потому им не хватает предприимчивости, они не спешат», в другом — тем, что «русские очень увлечены своим будущим... Может быть, поэтому их собственное прошлое не всегда занимает их... Мы, итальянцы, наоборот, погружены в свое прошлое, оно окрашивает всю нашу современную жизнь, и потому-то будущее у нас призрачно и неясно...». Но главное, по ее мнению, все же не в этом, а в том, что, как она говорит Соболеву, «у вас господствует культ человека, внимания к нему», «общество благодарит человека, а человек благодарит общество». И в этом она видит «путь к совершенствованию современного мира, который пока так противоречив и несет человеку неисчислимые бедствия больше, чем это должно быть».

Рядом с подобными соотношениями в романе постоянны соразмерности дня нынешнего с днями прошлыми, текущей эпохи с предшествующими, детей с отцами, современных рабочих, крестьян, ученых с их предшественниками. Как легенда возникает в произведении образ самоотверженного и очень пронзительного ученого дореволюционных времен — Русова. И отлично показана на отношении Софронникова и Соболева к нему, к его деятельности неотторжимость в сознательном народном пласте дня нынешнего от всех прошлых дней.

В беседе с Угрюмовым-Вьюжным главный герой произведения сказал: «Конструкцию романа я понял так... история и современность в неразрывном единстве. История помогает понять современность, но и современность помогает понять историю». Хотя в романе «Грядущему веку» конструкция иная, хотя в нем весь первый план занимает наша сегодняшняя жизнь — в самых глубинах произведения прошлое и современность высту-

пают в неразрывном единстве.

По опыту жизни, социальному положению, профессиональным навыкам герои нового романа Георгия Маркова — люди, мыслящие очень конкретно, социально определено. Для них принцип классового, партийного подхода ко всем явлениям жизни столь же естествен, как дыхание. И именно это позволяет им видеть, воспринимать все с предельной углубленностью, так что воспринимаемое при всей его конкретности обращается к нам своей общечеловеческой стороной, идет ли речь о нехватке женихов, или увлечении алкоголем и связанной с этим сложности семейных отношений, или о вещах снах («Сон сну рознь», — уверяет Лена Соболева), или о небеспричинном соотношении земли и неба. Сошлось для примера на слова Спиридона Федотовича Сорокина:

«Наше дело практическое — брать урожаи на любой земле. Что для этого надо? Знать землю, признать, что земля, по-настоящему, в чем ее сила, а в чем слабость. Силу использовать в наших интересах, а где земля слабовата — подмочь ей, поддержать ее навозом, химикатами, водичкой, если нехватка, а если избыток, то наоборот — попридержать ее в хранилище до случая».

Предельно конкретно все, что говорит и Софронников. Разве оставил равнодушным хоть одного специалиста в мире его утверждение, что сиреневые испарения свидетельствуют о нефтеносности территории, как, впрочем, и его неожиданное для многих заявление, что только невежды и хвастуны могут утверждать, будто в Сибири столько воды, что ею чуть ли не весь белый свет можно залить. Глубок и точен его же ответ на вопрос, почему наследство Русова никем не было внимательно перечтено.

«— Не сделали по ряду причин: «Нет пророка в своем отечестве». Это ведь не зря сказано. Первое. Второе: Сибирь долго и упорно «закрывали», а раз «закрывали», то не могли обращаться и Русову, поскольку он яростный противник такого подхода. И, наконец, жизнь неостановима, она выдвигает новые идеи и новых носителей этих идей. В стремлении быть оригинальными многие исследователи не оглядываются назад... спешат забыть прошлое...»

— И упования преемственности времен и идей рвется... — Да. Да! И затрачиваются огромные силы, чтобы снова открыть уже открытое...»

Не менее конкретен в каждом своем слове вице-президент Академии наук. Конкретен и — глобален:

«Берегите воду, — говорит он Соболеву. — Ее не так много, как нам кажется. Она поддерживает сейчас тот уровень взаимодействия частей природы, который обеспечивает жизнь. Всякое нарушение этого равновесия опасно. Проблема эта и теоретическая, и практическая. И не забудьте о ваших торфяниках. На территории Синегорья лежит сундук с сокровищами национального значения. Пока о нем мы мало знаем, но пробейте его час. Учтите, торфяники пока заводные и все еще растут. Не рискуйте их без надобности или, что еще хуже, неумело, скоропостижно осушать. Они произрастают смоляными веществами, склонны к самовозгоранию и могут превратиться при легкомысленном отношении к делу в пороховой погреб гигантского масштаба. Уверен, что вы доживаете до того дня, когда они потребуются Родине для ее больших нужд».

Завершая по необходимости беглый разговор о романе, нельзя не сказать о языковой его свежести, с многих страниц веющей на читателя. И Сорокин, и Софронников, и многие другие герои умело пользуются незатасканными словами. Приятно и в авторской речи вместо примелькавшегося «выковыл» встретить оборот: «Многие поковки сотворяя самостоятельно», вместо избитого «спал я беспокойно» прочтеть: «спал мятежно». Удивительно уместно один из героев употребил таежную поговорку: «Только сухая ель от ветра не гнется». Такие искорки вспыхивают на множестве страниц, придавая произведению праздничную свежесть.